

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

*А.П. ЗАОСТРОВЦЕВ***Социальный либерализм:
анализ с позиции
австрийской школы**

В статье содержится критическое рассмотрение концепции экономической социодинамики и опекаемых благ Гринберга–Рубинштейна с позиции либеральных доктрин австрийской школы. Раскрывается теория истории по Мизесу, где центральное место занимают идеи, а интересы являются производными от них. Показывается, что понятие “общественный интерес” представляет доминирующее общественное мнение, которое, естественно, не может существовать как нечто обособленное от индивидов. Общественный интерес не является также чем-то обязательно положительным, обеспечивающим прогресс, а может быть и направлен и против него. Вне общественного мнения он просто не существует. Опекаемые блага за исключением чисто общественных благ становятся таковыми не потому, что они нуждаются в государстве, а потому, что государство и группы интересов нуждаются в опеке над ними. Государство перекрывает свободное предпринимательство, которое только и могло бы обеспечить эффективную поставку большинства опекаемых благ. Само же оно – неэффективный их поставщик. В целом социальный либерализм с позиции австрийской экономической теории предстает как новая волна этатизма.

Ключевые слова: экономическая социодинамика, опекаемые блага, теория истории, идеи, общественный интерес, общественное мнение, этатизм.

The article contains the critical examination of Grinberg–Rubinstein's concept of economic sociodynamics and patronized goods from the position of liberal doctrines of the Austrian school. It reveals von Mises theory of history, where ideas occupy the central place and interests are pro-derivatives from them. It is shown that the notion of “public interest” is a dominant public opinion, which, of course, cannot exist as something separate from the individuals. Public interest – not necessary represents something positive and ensuring progress. The public interest may be aimed against it. And outside public opinion it simply does not exist. Patronized goods with the exception of pure public goods become not because they have need in such the state, but because the state and interest groups need to take care of them. The state constrains free entrepreneurship, which only can provide efficient delivery of the most of the patronized goods. And the state is ineffective supplier of these goods. In general social liberalism from the perspective of the Austrian economic theory is presented as a new wave of statism.

Keywords: economic sociodynamics, patronized goods, theory of history, ideas, public interest, public opinion, statism.

Заостровцев Андрей Павлович – кандидат экономических наук, профессор Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (Санкт-Петербург), научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге.

В ходе достаточно давно ведущейся дискуссии по концепции экономической социодинамики (КЭС) Гринберга–Рубинштейна (далее – ГР) обозначилось уже очень много аспектов, вокруг которых ведется полемика. Центральным является спор методологического индивидуализма и холизма. Суть его, как известно, заключается в следующем: общественный интерес – лишь некое соединение индивидуальных интересов, которое не существует вне их, или же это нечто самостоятельное, возвышающееся над ними и, по крайней мере, до некоторой степени, обособленное от них? У авторов как приверженцев холизма говорится о “принципе комплементарности”; несводимости общественного интереса к индивидуальным: “...есть такие автономные интересы общества, которые не сводятся к предпочтениям индивидуумов и которые формируют собственные цели государства” [Гринберг, Рубинштейн, 2013, с. 180].

Общественные интересы определяются ими в рамках нормативного подхода, причем однозначно как нечто позитивное, прогрессивное. Они не могут нести в себе пороки, а только и исключительно – добродетели. И более того, обеспечивают “экономическую социодинамику” – являются движущей силой общества в смысле перемен к лучшему (прокладывают путь от победы – к победе), да еще с мультипликативным эффектом: “...затраты на удовлетворение несводимых потребностей общества (то есть реализацию общественных интересов. – А.З.) всегда обеспечивает социальный и, подчеркнем особо, экономический прогресс”. Тут “возникает специфический социальный эффект, который... порождает феномен самовозрастания общественного богатства”¹. Воплощение в жизнь общественного интереса означает Парето-улучшение. Для эффективного государства главное – “стремление реализовать специфический интерес общества, не выявляемый в индивидуальных предпочтениях, при одновременном обеспечении Парето улучшения на всем множестве субъектов рынка” [Гринберг, Рубинштейн, 2013, с. 210, 424].

Противопоставить концепции ГР лучше всего не неоклассические постулаты, с которыми они ведут местами, надо признать, небезуспешную полемику, а праксиологию (учение о человеческой деятельности) Л. фон Мизеса и выстроенную на ней теорию истории австрийской школы, где интерес описывается как порождение идеи. Это принципиально важно, поскольку в таком случае общественный интерес выступает в облики детерминированного доминирующими идеями общественного мнения и, главное, в результате утрачивает нормативно-позитивный вектор: он может быть направлен как на достижение прогресса, так и на деградацию общественного организма. Предписанная ему ГР обязательность позитивного заряда полностью исчезает. В этой связи становится лишней и декларация о Парето-улучшении. Она есть следствие желания авторов как-то вписать КЭС в мейнстрим экономической мысли, но даже в нем идея Парето-улучшения местами поражает своей неуместностью².

Выбор в пользу “опекунства” не есть только выбор самого государства (политиков, бюрократии) и соответствующих групп интересов. Следуя той роли, которую Мизес придавал общественному мнению, можно утверждать, что это, во многом, и

¹ На этой фундаментальной предпосылке зиждется модернизированная ГР мериторика: идея “опекаемых благ” как довольно широкого круга благ, вменение потребления (или, напротив, ограничение или запрет потребления) которых приносит положительный эффект обществу, не осознаваемый на уровне индивидуальных интересов. В этой части авторы – не новаторы, а скорее, эпигоны поведенческой экономики с ее упором на всесторонний патернализм, декларирующим знание “истинных” рациональных интересов индивидов (критический разбор постулатов поведенческой экономики представлен в работе Р. Капелюшников [Капелюшников, 2013]).

² Например, возьмем классическую дилемму заключенного, используемую для оправдания функций государства в деле поставки общественных благ. Если хорошо подумать, то невозможно найти такое общественное благо, появление которого не оказалось бы одновременно потерей выгоды хотя бы для одного человека. Убежденный пацифист против услуг обороны, анархист, в принципе, против любой деятельности государства, и даже если представить ситуацию, что земляне уничтожают громадный метеорит, несущий смерть их планете, то готовящий самоубийство человек был бы против такого решения вопроса. Во всех названных случаях традиционное “чистое” общественное благо выступает с точки зрения названных персонажей как антиблаго или отрицательная полезность. Так что никакого Парето-улучшения в результате появления общественных благ не происходит; всегда найдутся те, кто против.

выбор масс, чье сознание сформировано на основе мифа о всемогущем государстве и ряде других столь же далеких от реальности представлений об источниках своего благополучия. Однако и опыт западных демократий, и практика российского авторитарного правления во многом сходятся (как ни странно это покажется) в опоре на утвердившиеся в общественном мнении расхожие догмы. Однако от этого они не перестают быть выражением общественного интереса. Интерес – это то, что человек реально думает о мире и своем месте в нем, а не то, что экономисты и философы называют за него и вместо него в качестве такового.

Мизес об истории, идеях, интересах и общественном мнении

“...Неразумно провозглашать, что идеи являются продуктами интересов. Идеи говорят человеку, в чем состоят его интересы”

Л. фон Мизес

Нет никаких сомнений в том, что в центре внимания должна быть книга Мизеса 1957 г. “Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции”. В предисловии к этой работе, написанном другим известным представителем австрийской школы и учеником Мизеса М. Ротбардом она именуется “забытым шедевром” [Ротбард, 2007, с. XI]. Понимание истории Мизесом, разумеется, лучше всего представлено им самим: “История есть летопись человеческой деятельности. Человеческая деятельность – это сознательные усилия людей, направленные на то, чтобы заменить менее удовлетворительные обстоятельства более удовлетворительными. Идеи определяют, что должно считаться более, а что – менее удовлетворительными обстоятельствами, а также – к каким средствам необходимо прибегнуть, чтобы их изменить. Таким образом, идеи являются главной темой изучения истории. Идеи не представляют собой постоянного запаса, неизменного и существующего от начала вещей. Любая идея зародилась в определенной точке времени и пространства в голове индивида. (Разумеется, постоянно случается так, что одна и та же идея независимо появляется в головах разных индивидов в разных точках пространства и времени.) Возникновение каждой новой идеи суть инновация; это добавляет нечто новое и прежде неизвестное к ходу мировых событий. Причина, по которой история не повторяется, состоит в том, что каждое историческое событие – это достижение цели действия идей, отличающихся от тех, которые действовали в других исторических состояниях” [Мизес, 2007, с. 200–201].

Итак, из рассуждений Мизеса явно вырисовываются два ключевых вывода: во-первых, человеческую деятельность, творящую историю, определяют идеи; во-вторых, идеи суть инновации, следовательно, и определяемое ими историческое событие не схоже с другими (можно сказать, “инновационно”). В этом, кстати, можно видеть объяснение непредсказуемости истории.

Попутно Мизес ведет полемику с британским историком А. Тойнби. В ней он исходит из того, что сущность цивилизации составляют идеи. “Если мы попытаемся разграничить различные цивилизации, то *differentia specifica* может быть найден только в различном смысле идей, который их определяет”. И далее еще раз подчеркивает: «В “теле” цивилизации невозможно обнаружить никаких сил, которые не были бы результатом их специфических идеологий». А раз так, то утверждение Тойнби о том, что любая цивилизация проходит последовательно неизбежные стадии, не может быть принято. “Цивилизации несопоставимы и несоизмеримы, поскольку они приводятся в движение разными идеями и поэтому развиваются по-разному” [Мизес, 2007, с. 201–202].

Возражая немецкому философу О. Шпенглеру, Мизес не разделяет его воззрения на причину упадка западной цивилизации, хотя и соглашается в принципе с выводом, что таковой происходит. Однако причина его совсем не в некой таинственной природе цивилизации, уподобляемой Шпенглером и Тойнби живому существу, а в природе идей, владеющих принадлежащими к ней людьми. “Действительно, – пишет

Мизес, – западная цивилизация приходит в упадок. Но ее упадок заключается как раз в одобрении антикапиталистических убеждений” [Мизес, 2007, с. 199]. Отсюда можно заключить, что, согласно Мизесу, именно содержание идей (убеждений) в решающей мере определяет судьбу цивилизаций.

Мизес в определении роли и значения идей становится на позицию, которая диаметрально противоположна учению К. Маркса в этом вопросе. Если у последнего конечным источником общественной динамики оказывается то, что он называл производительными силами (говоря более современным языком, это – природные ресурсы, технологии, физический и человеческий капитал), а идеи идут в самом конце каузальной цепочки и, таким образом, оказываются целиком определяемым фактором, то Мизес поступил ровно наоборот. В той же "Теории и истории" он в основу всего положил именно идеи. "Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы производства и все, что называется экономическими условиями" [Мизес, 2007, с. 167].

Мизес протягивает цепочку от умонастроений и идей к "социальной, правовой, конституционной и политической атмосфере" (иначе говоря, к соответствующим институтам) и уже от них – к технологическому прогрессу. Его антимарксистская триада выглядит как марксистская, но поставленная с ног на голову (см. рис.).

Ну а где же интересы? Если попытаться вписать их в вышеприведенную схему, то они заняли бы место где-нибудь между первым и вторым блоками. Мизес подчеркивал, что именно идеи определяют интересы, которые, в свою очередь, определяют характер действий людей: "В мире реальной действительности, обстоятельства которого только и являются объектом научного поиска, идеи определяют то, что, как считает человек, будет соответствовать его интересам. Интересов, не зависящих от идей, не существует. Именно идеи определяют то, что люди рассматривают в качестве своих интересов. Свободные люди действуют не в своих интересах. Они действуют в соответствии с тем, что, как они считают, будет способствовать их интересам" [Мизес, 2007, с. 126].

Таким образом, этот пассаж можно переформулировать приблизительно так: интерес – это то, что человек воспринимает (представляет себе) в качестве такового. Эту же мысль Мизес подчеркивает неоднократно в полемике с Марксом: "В мире реальности, жизни и человеческой деятельности не существует интересов, которые не зависят от идей, предшествующих им как по времени, так и логически. То, что человек считает своим интересом, является результатом его идей" [Мизес, 2007, с. 124].

Следовательно, человеческая деятельность, анализируемая сквозь призму интересов, в основе своей есть продукт идей; последние – ее движущая сила. Поэтому для Мизеса история – это, в конечном счете, история идей. "В мире Мизеса, где все явления и мысли были обязательным следствием предшествующих причин, идеи были главным динамичным элементом эволюции общества" [Хюльсманн, 2013, с. 690].

Однако что определяет сами идеи, где их первоисточник? И тут Мизес снова напоминает Маркса, но только с той принципиальной разницей, что у последнего производительные силы выступают как конечная данность, тогда как Мизес в качестве таковой объявляет идеи: "Для наук о человеческой деятельности конечной данностью являются ценностные суждения действующих субъектов и идеи, порождающие эти ценностные суждения". Они представляют собой конечную данность, так как "их нельзя представить в виде необходимых следствий чего-либо еще"³. "Идеи, – констатирует Мизес, – конечная данность исторического исследования. Об идеях можно сказать только то, что они появились" [Мизес, 2007, с. 275, 279, 167].

Конечно, можно проследивать путь возникновения той или иной идеи ("три источника и три составных части марксизма"). Можно сказать, что идея *A* отталкивается от идеи *B* и связана с идеей *C*. Однако "возникновение идеи суть инновация, новый

³ "Результат умственных усилий людей, т. е. идеи и ценностные суждения, направляющие действия индивидов, нельзя проследить до их причин, и в этом смысле они являются конечными данными" [Мизес, 2007, с. 67].

Рис. Мизесовская триада (каузальная связь).

факт, добавленный к миру”. В поисках происхождения идей “мы неизбежно приходим к точке, в которой все, что можно утверждать, это то, что у человека возникла идея” [Мизес, 2007, с. 85, 167].

Уместно заметить, что сама по себе идея не способна двигать историю. Идея не рождается в массах, она – продукт индивидуального творчества (к примеру, марксизм – не есть порождение некоего мистического коллективного разума пролетариата). Однако однажды рожденные кем-то идеи воспринимаются другими людьми и могут трансформироваться в их ценности⁴. Сквозь призму своих ценностей человек видит мир, выстраивает систему предпочтений или, если угодно, интересов (например, капитализм, частная собственность – плохо; социализм, общественная собственность – хорошо). При этом абсолютное большинство людей черпает свои ценности не непосредственно из идей, а из ценностей социального окружения (если использовать медицинский термин, то можно сказать, что они являются “заразными” продуктами). Широко распространившаяся и устоявшаяся ценность приобретает силу общественного мнения.

Мизес особо подчеркивает заслуги Д. Юма, а также Д.С. Милля и А. де Токвиля как указывавших на общественное мнение в качестве силы, отвечающей за характер правления. В свою очередь, сам он пишет: “Правительства не могут быть свободными от давления общественного мнения. Они не могут сопротивляться господству всеми разделяемой идеологии, пусть и ошибочной”. И “общественная система, какой бы полезной она ни была, не может работать, если ее не поддерживает общественное мнение”. При этом “никакое государство, ни демократическое ни диктаторское, не может быть свободно от власти всеми признаваемой идеологии” [Мизес, 2007, с. 57, 744, 798].

В результате Мизес выносит следующий вердикт: “Массы лишь делают выбор между идеологиями, разработанными интеллектуальными лидерами человечества. Но их выбор окончателен и определяет ход событий” [Мизес, 2007, с. 811]. Отсюда логично следует практический вывод, что “мир нуждается не в конституционной реформе, а в здоровой идеологии” [Мизес, 2006, с. 170].

Идеи для Мизеса, разумеется, не есть нечто застывшее, раз и навсегда данное. Иначе, как легко увидеть из вышеизложенной логики его подхода, ему пришлось бы признать “конец истории”. “Идеи не представляют собой постоянного запаса, неизменного и существующего от начала вещей” [Мизес, 2007, с. 201]. Однако “экономисты всегда отдавали себе отчет в том, что эволюция идей – медленный, требующий много времени процесс” [Мизес, 2007, с. 194].

Философия австрийской экономической школы категорически не позволяет выставить что-либо как некий образец совершенного состояния и с ним сопоставлять реальное положение вещей и ход истории⁵. Это противоречило бы одному из ее

⁴ Ф. Хайек в статье “Интеллектуалы и социализм” обратил внимание на эту особенность возникновения и распространения идей. “Социализм нигде и никогда не был изначально рабочим движением”. И далее он писал о нем: “Это построения теоретиков, выросшие из некоторых тенденций развития абстрактных размышлений, с которыми были знакомы только интеллектуалы. И прежде чем удалось убедить рабочий класс включить социализм в свою программу, потребовались длительные усилия интеллектуалов” [Хайек, 2012, с. 229–230].

⁵ Попутно замечу, что противоположный подход Мизес презрительно называл “химерой совершенного состояния человечества”, относя сюда не только доктрины идеального общества (подобные коммунизму у Маркса), но и вальрасовскую концепцию общего равновесия. “Предположение о том, что история устремлена к осуществлению совершенного состояния, равносильно утверждению, что история скоро закончится” [Мизес, 2007, с. 324].

базовых методологических принципов – знаменитой доктрине *Wertfreiheit* (свободы от ценностей). Ведь ценности людей как таковые несопоставимы. Поэтому экономист “оценивает положение вещей с точки зрения действующих людей. Он называет более хорошим или более плохим то, что представляется таковым на их взгляд. Таким образом, капитализм означает прогресс, так как ведет к прогрессивному улучшению материальных условий жизни постоянно увеличивающегося населения” [Мизес, 2007, с. 152].

Итак, исторический прогресс – это то, что люди считают таковым. Поскольку люди в абсолютном большинстве ценят улучшение условий жизни, то таковое и есть прогресс. При этом прогрессом является и все то новое (от социальных учений и отношений до технологий и оборудования), что обеспечивает это улучшение.

Однако это вовсе не означает, что людской разум в массе своей понимает неразрывную связь цели и средства и будет ценить последнее (тот же капитализм). В недопущении возможности разрыва логической связки “цели–средства” в массовом сознании и крылось то, что Мизес назвал “иллюзиями старых либералов”, которые пали жертвой ошибочной доктрины “несокрушимой мощи разума”. “Они беспечно полагали: то, что является разумным, пробьет себе дорогу просто за счет своей разумности. Они никогда не задумывались о возможности того, что общественное мнение может благоволить ложным идеологиям, воплощение которых будет вредить благосостоянию и разрушать общественное сотрудничество” [Мизес, 2005, с. 811]⁶.

Как видим, здесь Мизес говорит о том, что общественное мнение (умонастрое-ние) может быть столь мощной разрушительной силой, что люди отторгают то, что обеспечивает им благополучие. Это не означает, что люди сознательно и массово отвергают достаток как цель; просто они связывают его с устойчивым убеждением в достижимости его ложными средствами⁷. Причем, как известно, оно не оказывается каким-то кратковременным заблуждением, а определяет целую эпоху. “В формировании взглядов исторические мифы, вероятно, играли столь же значительную роль, что и исторические факты” [Хайек, 2012, с. 8].

Хайек, кстати, прекрасно показывает механизм проникновения созданного интел-лектуалами мифа в сознание масс через цепочку ретрансляторов (газеты, кинофильмы, романы, школа, политические речи и даже обычные беседы). В наши дни это положение Хайека нашло свое воплощение в целой теории влияния риторики на историю и экономическое развитие народов в работах Д. Макклоски [McCloskey, 2006; 2010]. Причем люди впитывают эти мифы бессознательно, автоматически. “Большинство людей очень удивилось бы, узнав, что большинство их мнений по всем этим предме-там вовсе не бесспорно установленные факты, а мифы, запущенные в оборот из поли-тических соображений и затем распространенные вполне добросовестными людьми, чьим общим убеждением они соответствуют” [Хайек, 2012, с. 13].

Хорошим дополнением к словам Мизеса об иллюзии старых либералов служит тезис Хайека об “отважном утопизме социалистов”. “Успех социалистов должен научить нас (либералов. – А.З.) тому, что именно их отважный утопизм обеспечил им под-держку интеллектуалов и влияние на общественное мнение, которое ежедневно делает возможным то, что еще вчера казалось невозможным. Те, кто ограничивал себя только практически возможным (при данном состоянии общественного мнения), постоянно обнаруживали, что их усилия делаются политически нереализуемыми из-за изменения общественного мнения, которое они и не пытались направлять” [Хайек, 2012, с. 258].

Отсюда Хайек делает практический вывод о том, что нужно либералам для реал-изации своего идеала. “Нам нужна либеральная утопия, нужна программа... нужен истинно либеральный радикализм, который не пощадит чувствительности властей

⁶ Причины настроя общественного мнения против капитализма Мизес представил в работе “Антикапи-талистическая ментальность” [Мизес, 1993, с. 169–231].

⁷ “Очевидно, что люди отвергли либерализм и воюют с капитализмом, потому что верят, что интер-венционизм, социализм и экономический национализм сделают их не беднее, а богаче”. И еще: “Люди поддерживают этатизм, потому что верят, что при нем проживут лучше” [Мизес, 2006, с. 163].

предержащих (в том числе профсоюзов), не будет чрезмерно практичным и не ограничит свои задачи только политически реализуемыми” [Хайек, 2012, с. 257]. Это очень напоминает лозунг французской бунтующей молодежи в 1968 г.: “Будьте реалистами, требуйте невозможного!”.

И под конец вернемся к еще одной очень важной в свете полемики с социальным либерализмом тематике, также поднятой Мизесом. Речь идет о понимании рациональности. “Однако нужно отдавать себе отчет, что концепции рациональности и иррациональности приложимы только к выбору средств, но никоим образом не к выбору конечных целей. Ценностные суждения, позволяющие выбирать между несовместимыми конечными целями, не являются ни рациональными, ни иррациональными. Они произвольны, субъективны и отражают личную точку зрения. Объективной абсолютной ценности, независимой от личных предпочтений, не существует” [Мизес, 2006, с. 160–161]. Общественный интерес, пропагандируемый социальным либерализмом, является именно таковой независимой и несуществующей “абсолютной ценностью”.

Австрийский либерализм против социального

Начну с того, что австрийский взгляд лишает почвы дискуссионтов об общественном интересе. Все различие оппонентов заключается в том, что у холистов он может быть помещен “вовне” индивидуальных предпочтений и изначально распознаваем только избранными людьми; тогда как у методологических индивидуалистов он присутствует в составе своих собственных интересов у индивидов и только благодаря этому складывается некий общий вектор. При этом даже у абсолютного большинства последних нет сомнений, что этот вектор “положительный”, направленный в сторону общественного благополучия.

Точка зрения Мизеса, как можно было убедиться, принципиально иная. Начнем с того, что общественный интерес может быть и губителен для общества. В истории идеи коммунизма, фашизма, национал-социализма прочно завладевали общественным мнением и, тем самым, фактически превращались в общественный интерес (хотя последний термин представителями австрийской школы не используется; они пишут исключительно об общественном мнении). В социуме непременно есть индивиды, не разделяющие этот интерес, но, поскольку австрийская школа игнорирует учение Парето, то для нее не возникает типичная для конституционной экономики Д. Бьюкенена проблема единогласия как условия действительности общего интереса.

Мессианская идея коммунизма как высшего общественного строя продвигала как построение нового социального порядка в СССР, так и экспансию этого порядка за его территориальные пределы (несем “счастье” всему человечеству). С угасанием этой идеи и, как следствие, с изменением общественного мнения угас и этот глобальный проект. “Общественный интерес” исчерпал себя.

Таким образом, понятие “общественный интерес” не наполняется каким-то конкретным нормативным содержанием: в основе интереса, согласно Мизесу, лежит идея (неважно, плоха она или хороша), и когда последняя становится массовой, она превращается в популярное общественное мнение. Одновременно ее адепты тогда обычно выставляют это мнение в качестве “общественного интереса”.

В демократическом обществе групповые интересы могут вести открытую борьбу за почетное звание “общественных”: в США сторонники президента Б. Обамы видят проводимую им реформу здравоохранения как шаг вперед в достижении общественных интересов; его противники-консерваторы именуют ее презрительно *Obamacare* и доказывают ее разрушительный для американского общества характер. Более того, поскольку исторически население США не становилось жертвой единой целенаправленно формируемой идеологии, то так называемый “общественный интерес” здесь

полностью растворяется в частных интересах. Этот факт очень хорошо замечали создатели тоталитарных идеологий⁸.

В автократиях общественным интересом обычно объявляется опирающийся на поддерживающее его общественное мнение интерес правящей группы; распространение же альтернативных идей всеми средствами подавляется с целью недопущения изменения общественного мнения. Ведь утративший его поддержку автократический режим оказывается весьма уязвим, поскольку потерянную легитимность в глазах общества (“царь-то – не настоящий!”) невозможно надолго компенсировать силой репрессивного аппарата.

Разумеется, австрийская школа не приемлет холизм. Напомню приведенные выше слова Мизеса о том, что “объективной абсолютной ценности, независимой от личных предпочтений, не существует”. Однако для нее и само понятие “общественный интерес” не существует, кроме как в качестве пропагандистского лозунга, концентрирующего в себе цели влиятельного или доминирующего общественного мнения.

Иллюзорность общественного интереса как объединяющей силы во многих случаях достаточно очевидна. Тем не менее в книге ГР утверждается, что “иммунная система социума самодостаточна и, в конце концов, обеспечивает выявление латентно существующих интересов общества” [Гринберг, Рубинштейн, 2013, с. 392]. Иначе говоря, история – это всегда сказка с *happy end*. Вот только мир почему-то нередко наблюдает острый социальный иммунодефицит. Что случилось с иммунной системой социума в Сирии, Ливии, Сомали и т.п.? Можно еще долго приводить примеры так называемых “провалившихся государств”.

Более того, ГР почти не касаются проблемы неопределенности будущего и, как видно из приведенной цитаты, рассматривают интересы общества как нечто статичное, данное (надо только их “открыть” проницательному меньшинству). В этом плане они полностью повторяют ограниченность современной неоклассики, где все, как в классической греческой пьесе, сводится к единству места и времени.

В противовес можно привести пример из книги одного из основателей теории общественного выбора Г. Таллока. Речь там идет о выборе между сопротивлением советской агрессии Финляндии и сдачей без боя Балтийскими государствами. “Совершенно неясно, – пишет он, – кто выиграл в этом естественном эксперименте. Конечно, когда Россия распалась, завоеванные области восстановили свою белую независимость, но жизнь там была значительно хуже, чем в Финляндии. Можно ли считать эту потерю сопоставимой с потерями Финляндии во время войны и сразу после нее – ответить трудно” [Таллок, 2011, с. 158–159]. Если это было трудно сделать Таллоку в 2005 г. (год выхода книги на английском), располагавшему всей информацией о прошлом, то каково было руководителям этих стран в 1939–1940 гг. выбирать решение, отвечающее “латентному общественному интересу” с учетом всех последующих абсолютно неизвестных для них событий. Принимая во внимание непредсказуемость истории, о которой пишет Мизес, понятие “общественного интереса” уже со всей очевидностью превращается в условиях исторической динамики в полную загадку: в принципе невозможно знать сегодня, чем обернутся планируемые действия завтра.

Прояснить же позицию позволит очень актуальный пример, связанный с российско-украинским конфликтом. В опросе, проведенном Левада-Центром в августе 2014 г., только 6% россиян считали присоединение Крыма к России непоправимой ошибкой российского руководства, тогда как 85% рассматривали это событие как большое его достижение, положительные последствия которого россияне ощутят в будущем [Украинский... 2014]. Очевидно, что сложилась небывалое единство мнений правителей России и общества. Поэтому, несомненно, что присоединение Крыма представляет общественный интерес с позиции россиян (формулируемый в виде лозунга “затокрымнаш”)

⁸ «...В ходе Второй мировой Геббельс общался с американскими военнопленными... Он пришел в совершенный ужас. “Мой фюрер, – докладывал он Гитлеру, – Эти пленные не являются в полном смысле людьми. У них нет никакой идеологии”» (цит. по [Бураковский, 2014, с. 498]).

как отражение их абсолютно доминирующего мнения сегодня, даже если будущее покажет правоту меньшинства. Еще раз подчеркну в этой связи: интерес не есть нечто познанное философами и существующее в отрыве от реальных настроений, а подлинное состояние умов масс на данный момент, каким бы оно ни было неприемлемым для несогласных с ним и к какой бы социальной катастрофе не вело в дальнейшем.

Обращаясь к истории идейного противостояния, надо заметить, что Мизес стал первым, кто активно включился в полемику с “социальными либералами”. Было это еще в 1926 г. К ним принадлежали Г. Хекнер, Л. Brentано, Л. фон Визе, О. фон Филиппович и Ф. Науманн. Они сами придумали себе такой титул, единственная претензия на который “заклучалась в неприятии идеала всеобщего централизованного планирования”. При этом “в противоположность классическому либерализму новые социальные либералы не выдвигали принципиальных возражений против существенных ограничений “экономических свобод” граждан” [Хюльсманн, 2013, с. 392].

Много лет спустя Мизес выступал и против “социального рыночного хозяйства” (А. Мюллер-Армак, В. Репке, В. Ойкен). В своей главной книге “Человеческая деятельность” он назвал их идеал “гинденбургской моделью социализма” и иронически замечал в их адрес, что “рынок станет свободным только тогда, когда он будет делать именно то, что хочет от него государство” [Мизес, 2005, с. 677]⁹. Биограф Мизеса Й. Хюльсманн так пишет о его отношении к таким псевдолибералам: «Члены школы ОРДО... были немногим лучше социалистов, с которыми он всю жизнь боролся. В конечном итоге он стал называть их “ОРДО-интервенционистами”» [Хюльсманн, 2013, с. 718].

В данной статье невозможно рассмотреть сколько-нибудь подробно конкретные аргументы австрийской школы против “социальных либералов” или “либеральных социалистов”. И тем не менее, трудно не привести тут слова Мизеса, которые как будто специально написаны в ответ на разворачиваемую ГР теорию опекаемых благ. И здесь он не может удержаться от традиционной для него иронии: “Если правда, что власть государства от Бога и Провидение предоставило ему право действовать в качестве опекуна невежественного и глупого населения, тогда, безусловно, в его задачу входит регламентация всех аспектов поведения подданных. Ниспосланный Богом правитель лучше знает, что хорошо для тех, кто находится на его попечении, чем они сами. В его обязанности входит ограждать их от вреда, который они могут навлечь на себя, если будут предоставлены себе сами” [Мизес, 2005, с. 686–687].

То, что регламентация потребления (неважно, будет ли это поощрение или запрет) открывает безграничный простор разрастанию государственных функций, Мизес также вполне отчетливо себе представлял. “Но если принимается принцип, что в обязанности государства входит защита индивидов от их собственной глупости, то нельзя выдвинуть никаких серьезных возражений против дальнейших посягательств”. И далее он констатирует: “Если кто-то упраздняет свободу человека определять свое потребление, то он отнимает все свободы” [Мизес, 2005, с. 687].

Пророчества Мизеса (кстати, он, говоря о защите индивидов от собственной глупости, имел в виду запрет на потребление наркотиков) сбылись¹⁰. Не случайно в ряде штатов пошел процесс легализации марихуаны (хотя бы частичной). И здесь, кстати, нашел свое подтверждение другой тезис Мизеса – о роли общественного мнения¹¹.

⁹ “...Государство вмешивается, как только результат действия свободной рыночной экономики отличается от того, который власти считают желаемым” [Мизес, 2005, с. 677].

¹⁰ Ежегодные расходы на войну с наркотиками в США составляют 51 млрд долл. В 2011 г. были арестованы по связанным с наркотиками и не связанным ни с каким насилием обвинениям 1,53 млн человек, причем по обвинениям в связи с нарушениями законов о марихуане – около 758 тыс. человек, из них 663 тыс. только за обладание ею [Drug... 2012]. Не случайно многие юристы называют такого рода преступления *victimless crimes* (преступления без жертвы).

¹¹ В 1969 г. за легализацию марихуаны высказывались лишь 12% жителей США, против – 84%. К 2000 г. доля первых возросла уже до 30% населения, а в 2009 г. она перешагнула рубеж в 40%. В октябре 2011 г., согласно проведенному службой Гэллапа опросу, идею легализации марихуаны поддерживают ровно 50% американцев. Чуть меньшее количество их сограждан – 46% – выступают против этого [Николайчук, 2011].

В общем случае к критике развертывания государственного интервенционизма под вывеской нужды в опекаемых благах применима та же логика, которую “австрийцы” выдвигают против государства всеобщего благосостояния. Его механизмы нейтрализуют и в значительной степени делают невозможным предпринимательский поиск в этой сфере [Уэрта де Сото, 2011, с. 366]. В результате единственный вариант решения многих проблем, которые ложно выставляются как провалы рынка, блокируется. Это то же самое, как бросить пловца в смиренной рубашке в воду, одновременно надев на него спасательный жилет, и при этом оправдывать наличие последнего тем, что человек не плавает самостоятельно.

Так, российское государство тратит на содержание футбольных клубов примерно 1 млрд долл. ежегодно [Запретить... 2013]. Происходит своеобразный эффект вытеснения этими колоссальными средствами поиска руководителями клубов путей самокупаемости. “Опекунский социализм”, как и любой другой, “имеет свойство разлагать, или искажать, ту энергию предпринимательства, которая проявляется в любой человеческой деятельности” [Уэрта де Сото, 2008, с. 135]. Кроме того, “опекаемость” снижает и качество опекаемых благ (услуг): ведь доходы от результатов игры клубов значат для них мало по сравнению со спонсорскими деньгами¹². Это же относится к театральным постановкам, кинопродукции, художественному и литературному творчеству, успех которых (особенно на международном уровне), как правило, обратно пропорционален вложенным в них государством средствам. Тем более, что российское государство все в большей степени обменивает финансирование на афишируемую в произведениях лояльность политическому режиму.

“Опекунство”, с одной стороны, есть, конечно, “естественный” стимул бюрократических организаций. Они не только стремятся к максимальному расширению собственного бюджета или дискретной его части, как это описано в классических моделях У. Нисканена [Niskanen, 1994], но и к распространению своих инициатив на другие сферы, в том числе и на сферу частного рынка¹³. Не случайно в дискуссии с Р. Масгрейвом Дж. Бьюкенен подчеркивает, что согласно различным расчетам для финансирования подлинно общественных благ даже в их широком определении в различных развитых странах (странах Скандинавии, Великобритании, США) достаточно 10–12% ВВП. Все остальное приходится на финансирование делимых (частных) благ [Buchanan, Musgrave, 2000, p. 84]¹⁴.

С другой же стороны, “опекунство” опирается на соответствующие настроения масс. В регулярных опросах Левада-Центра на вопрос: “Сможет или не сможет большинство людей в России прожить без постоянной опеки, заботы государства?” доля тех, кто считали, что не сможет, не опускалась ниже 70% [Общественное... 2014, с. 49]. Недаром представитель современной австрийской школы Г.-Г. Хоппе отмечал, что перераспределение шансов на приобретение дохода постепенно приводит к личностным изменениям [Норре, 1989, p. 16–17].

Подводя итоги, хочется вспомнить бессмертные слова Ф. Бастиа, что “государство – это громадная фикция, посредством которой все стараются жить за счет всех”, а также его сбывшееся предвидение. “Государство быстро соображает, какую выгоду оно может извлечь из возложенной на него обществом роли. Оно станет госпо-

¹² Особо ярко этот факт проявился в 2014 г. в играх с кипрскими клубами в Лиге чемпионов и Лиге Европы. Наиболее впечатляющий пример – стыковые матчи за выход в групповой этап между московским “Локомотивом” и “Апполоном”. Соотношение трансферной стоимости 14 : 1 в пользу “Локомотива”: в итоге ничья (1:1) на чужом поле и проигрыш со счетом 1 : 4 московской команды на своем [Цифра дня... 2014].

¹³ “Ситуация, при которой функционирующая сторона может полностью насытиться каким-либо общественным благом до того, как бюро вычерпает все излишки потребителей, которые оно в состоянии захватить, может привести к тому, что максимизирующий бюджет бюрократ будет предлагать другие виды деятельности помимо той, которая находится в его исключительной компетенции. Это может принять форму радикальных новшеств или, что более правдоподобно, посягательств одного бюро на поле деятельности другого либо на сферу частного рынка (курсив мой. – А.З.)” [Мюллер, 2007, с. 491].

¹⁴ Этот факт и лег в основу концепций КЭС и опекаемых благ ГР. Они отражают потребность подвести под него теорию, дающую ему научное оправдание (в английском языке есть хороший и точно непереводаемый термин – *justification*).

дином, распорядителем всех и каждого; оно будет много брать, но зато ему и самому много останется; оно умножит число своих агентов, расширит область своих прав и преимуществ, и дело кончится тем, что оно дорастет до подавляющих размеров” [Сэй, Бастиа, 2000, с. 125].

Социальный же либерализм есть, в сущности, этатизм новой волны, сильный в своей полемике с квазилиберальным экономическим мейнстримом, но далеко не столь сильный в противостоянии классическому либерализму (либертарианству) австрийской школы, ведущему дискурс за пределами статической неоклассической парадигмы и рассматривающему человеческие возможности с точки зрения способного на решение многих проблем предпринимательского творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бураковский А.М. Бойня 1939–1945. Не Вторая Мировая, а Великая Гражданская. М., 2014.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум и государство: экономическая дилемма. М., 2013.
- Запретить финансирование футбольных клубов из государственного бюджета. 2013 (URL: <https://www.roi.ru/1896/>).
- Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и новый патернализм: препринт WP3/2013/03. М., 2013.
- Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993.
- Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война. Челябинск, 2006.
- Мизес Л. фон. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск, 2007.
- Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005.
- Мюллер Д. Общественный выбор III. М., 2007.
- Николайчук А. Пол-Америку – за легализацию марихуаны (URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/10/18/58940504.html>).
- Общественное мнение – 2013. Ежегодник. М., 2014.
- Ротбард М. Предисловие // Мизес Л. фон. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск, 2007.
- Сэй Ж.-Б., Бастиа Ф. Трактат по политической экономии (Ж.-Б. Сэй). Экономические софизмы. Экономические гармонии (Ф. Бастиа). М., 2000.
- Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М., 2011.
- Украинский кризис: действия руководства Украины и России. Пресс-выпуск Левада-Центра 18.08.2014 (<http://www.levada.ru/12-08-2014/ukrainskii-krizis-deistviya-rukovodstva-ukrainy-i-rossii>).
- Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М., Челябинск, 2008.
- Уэрта де Сото Х. Социально-экономическая теория динамической эффективности. Челябинск, 2011.
- Цифра дня. Игроки кипрских клубов в 16 раз дешевле российских. 22.08.2014 (URL: <http://www.sovsport.ru/gazeta/article-item/737601>).
- Хайек Ф. Капитализм и истории. Челябинск, 2012.
- Хольсмани Й.Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвига фон Мизеса. М., Челябинск, 2013.
- Buchanan J.M., Musgrave R. A Public Finance and Public Choice: Two Contrasting Visions of the State. Cambridge, 2000.
- Drug War Statistics, 2012 (URL: <http://www.drugpolicy.org/drug-war-statistics>).
- Hoppe H.-H. A Theory of Socialism and Capitalism. London, 1989.
- McCloskey D.N. Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World. Chicago, 2010.
- McCloskey D.N. The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce. Chicago, 2006.
- Niskanen W.A. Bureaucracy and Public Economics. Cheltenham, 1994.